

Размышления о пережитом

Вадим Медведев

Сегодня вряд ли кто осмелится отрицать, что перестройка явилась одним из важнейших событий новейшей истории нашей страны и всего мира. Но разброс в ее оценках очень велик — от положительных и даже восторженных до критических и крайне негативных. Первые преобладают в мировом общественном мнении. Вторые больше относятся к российским авторам и российскому массовому сознанию.

Такой парадокс объяснить нетрудно. В мире с перестройкой справедливо связывают новое политическое мышление, окончание холодной войны, реальное сокращение вооружений и избавление человечества от угрозы мировой термоядерной катастрофы, а также объединение Германии, прекращение афганской авантюры и ряда других локальных конфликтов и, конечно же, перевод развития страны в русло современных демократических процессов. Все это, естественно, приветствовалось и приветствуется в мировом сообществе.

Внутри же страны оценки перестройки сложились под определяющим воздействием глубокого экономического и политического кризиса, который последовал за перестройкой в 90-е годы. Распад Советского Союза и падение авторитета страны на международной арене, политические потрясения России, две чеченские войны, катастрофическое снижение уровня жизни народа, резкая имущественная дифференциация российского общества, разгул преступности и коррупции в значительной, а, может, и

Медведев Вадим Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Горбачев-Фонда, руководитель проекта; в 1985 г. — заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, в 1986-1990 гг. — секретарь ЦК КПСС, с 1988 г. — член Политбюро ЦК КПСС, в 1990-1991 гг. — член Президентского Совета, старший советник Президента СССР.

основной части общества воспринимаются как прямые результаты перестройки. Еще древние римляне считали, что «после» не означает «вследствие», но перипетии общественного мнения подчиняются своим законам, и подчас требуется немало времени, чтобы в нем отложилась действительная связь событий.

Резкие расхождения в оценках перестройки отразились и в обширном потоке литературы, вышедшей за последние 10 лет. Мои взгляды и суждения по всем этим сложным вопросам нашли отражение в четырех книгах¹, в большом числе брошюр, статей, докладов, изданных в эти годы. В данной статье мне не хотелось бы повторять сказанное, но представляется важным поделиться суждениями о некоторых стереотипах, сложившихся в трактовке ряда важных проблем перестройки, не претендующими ни на полноту, ни на бесспорность.

О причинах поражения перестройки.

Перестройка, начавшись весной 1985 года, прошла несколько этапов. Первый этап (или скорее даже подступ к перестройке) охватил время с весны 1985 года до конца 1986 года. Второй этап (реальное начало перестроечных процессов) — с начала 1987 до середины 1988 года. Третий, кульминационный этап — с середины 1988 года (XIX партийная конференция) — до середины 1990 года (XXVIII съезд КПСС). И, наконец, последний, четвертый период — кризис и поражение перестройки — с середины 1990 до конца 1991 года. Конец перестройки ознаменовался распадом Советского Союза и отставкой Горбачева, переходом к обвальным экономическим реформам. (Более детальная характеристика этапов перестройки дана в приложении.)

О причинах поражения перестройки существуют различные суждения.

Согласно одной, довольно экзотической версии перестройка как процесс демократического реформирования была заранее обречена, ввиду неререформируемости советского общества в принципе, закостенелости старой системы, которую надо было просто разрушить. Россия, якобы прошла историческую точку апогея, вершины в своем развитии и дальше неизбежно должна скатываться вниз. Нация физически и духовно была слишком изуродована и измучена потрясениями, выпавшими на ее долю в XX столетии. Отсюда перестройка как величайшая историческая трагедия. Это была отчаянная, но бесперспективная попытка вытащить страну из исторического тупика. А Горбачев разделил драматическую судьбу всех великих реформаторов и революционеров.

Можно понять эмоции тех, кто так считает и выражает сочувствие Горбачеву, но согласиться с такой позицией невозможно. Она отдает фатализмом, а Горбачев предстает в ней человеком, который втянул страну в безнадежное дело, по существу в авантюру, не имевшую шансов на успех.

Большинство исследователей и просто людей здравомыслящих, переживающих за свою страну, полагают, что перестройка оказалась необходимой для того, чтобы освободиться от тоталитарного наследия прошлого и открыть для страны путь в будущее, но она сильно запоздала и обрекла себя на большие трудности, а перестроечное руководство не сумело оценить и преодолеть их. При этом одни считают, что Горбачев слишком круто повел дело, слишком рьяно начал и проводил преобразования, не считаясь с наследием советского прошлого, свернул с социалистического пути. А другие, напротив, полагают, что он действовал излишне осторожно, не проявлял должной решительности в отказе от прошлого, в разрушении социалистических институтов и возвращении страны в лоно капитализма и либеральной системы ценностей.

Конечно, в ходе перестройки политическим руководством страны было допущено немало просчетов и ошибок. О них речь пойдет ниже. Но были очень серьезные объективные причины. Хотелось бы обратить внимание на одну из них, которая, мне кажется, не получила пока адекватной оценки. Это — зависимость от мировой экономической ситуации и, в частности, от мировых цен на нефть, в которую страна попала в 70-е годы. В результате быстрого наращивания добычи нефти в Западной Сибири и повышения на целый порядок мировых цен на нее выручка от продажи на внешних рынках нефти и нефтепродуктов (не считая газа, других природных ресурсов и продуктов их первичной обработки) достигла 20 млрд. долларов в год. Напомнить об этом весьма полезно и для понимания нынешней ситуации в России, в чем-то сходной с 70-ми годами прошлого столетия.

Но в начале 80-х годов в мировых ценах на нефть произошла «революция наоборот»: они упали в три — три с половиной раза. Это коренным образом изменило ситуацию с валютными поступлениями от внешней торговли. В некоторой степени она была смягчена тем, что в торговле с соцстранами применялись цены, усредненные за последние пять лет. Но во второй половине 80-х годов и этот фактор исчерпал себя, и мы начали залезать в долги к этим странам по товарообороту. В 1989 году впервые торговый баланс страны оказался пассивным. Возникли громадные трудности с импортом, в том числе зерна и других товаров, а это самым пагубным образом отразилось на внутреннем рынке.

Нельзя не признать, что коренная перемена в финансовом положении страны, сидевшей на нефтяной игле в течение полутора десятилетий, не

сразу была осознана. Трудности воспринимались как нечто временное, привходящее. Официальная статистика, оперировавшая непомерно заниженным курсом доллара, не давала реального представления о значении этого фактора в экономике страны. На самом деле продажа на мировом рынке нефти, газа, других природных ресурсов в начале 80-х годов обеспечивала не менее 10-15% национального дохода и четверти бюджетных доходов². Попытки компенсировать снижение цен увеличением экспорта нефти не удалось. Более того, добыча нефти именно в эти годы начала снижаться.

Все это в сочетании с необоснованным ростом денежных доходов населения и денежной массой в обращении создало крайне неблагоприятный фон для экономических и политических реформ. Рост производства продолжался в стране и в 1989 году, но ситуация на потребительском рынке стала быстро ухудшаться.

Разумеется, и в этих условиях надо было искать выход из положения. Остановить политические реформы и даже притормозить их было уже невозможно. Что касается экономических преобразований, надо было, в первую очередь, выделить те из них, которые способны дать немедленный экономический эффект — развитие мелкого и среднего предпринимательства в сфере услуг, торговли, строительства, сельского хозяйства. Следовало бы также отложить меры социального порядка, требующие огромных вложений, например, реформу пенсионного обеспечения, на которую требовалось увеличить ассигнования на 40 млрд. рублей в год, удержать и усилить контроль за повышением денежных доходов населения, за наличным оборотом денег.

В этих вопросах должны были занять более четкую позицию те, кто в руководстве страны отвечал за экономику. Острая их постановка со стороны отдельных членов Политбюро болезненно воспринималась руководителями правительства и не была учтена.

В этой связи не могу не поделиться одним своим наблюдением: при всей демократичности, доверительной, товарищеской обстановке в Политбюро, свободе мнений и обсуждений все же не хватало ответственности членов руководства за свои участки работы, жесткой требовательности к ним. Хочу напомнить, что за все годы, вплоть до путча, никто из состава высшего политического руководства не был привлечен к какой-либо ответственности и освобожден от работы за политические, по сути своей антиперестроечные, действия. Этого заслуживал Лигачев — за историю с письмом Н. Андреевой, Язов — за применение войск в Тбилиси, Крючков — за штурм телецентра в Вильнюсе, Павлов — за требование чрезвычайных полномочий правительству в Верховном Совете, не согласованное с президентом,

и, конечно же, Ельцин. Все ожидали, что после его атаки на Политбюро в октябре 1987 года он будет отлучен от политики и отправлен послом в какую-нибудь африканскую страну, но он получил министерское кресло, оставался членом ЦК, пока сам демонстративно не вышел из партии³. Я лично объясняю это не слабостью и нерешительностью Горбачева (обвинения в его адрес в этих грехах опровергаются главным — мужественным решением пойти на кардинальные перемены в стране и огромной энергией в их осуществлении), а скорее его идеализмом, генетической приверженностью генсека демократическим методам, верой в то, что разногласия в новом руководстве не выходят за пределы его единства в принципе и могут быть преодолены в товарищеской дискуссии.

Почему не китайская модель?

В дискуссиях о перестройке часто возникает вопрос, почему советское руководство, начавшее реформирование общества, не пошло по китайскому пути, не воспользовалось китайской моделью реформ — переводом экономики на рыночные основы при сохранении прежней политической системы и даже идеологии. Такая постановка вопроса возникла на почве своеобразного китайского экономического чуда. По-видимому, сказались также глубоко укорененное в сознании российского общества представление о решающей роли экономического базиса по отношению к надстройке.

Что можно сказать по этому поводу? Прежде всего, подход советского руководства к реформированию общества не следует противопоставлять китайской модели. Не догматические представления о роли экономики, а анализ реальной предкризисной ситуации в стране привел нас к выводу, что в первую очередь должна быть реформирована именно она. Я и мои коллеги — ученые-экономисты, сотрудничавшие с Горбачевым, задолго до его прихода к власти считали, что страна не сможет с прежними механизмами и методами хозяйствования выйти на траекторию современного социально-экономического развития. Об этом было ясно сказано и Горбачевым в его предперестроечном докладе на научно-практической конференции в ЦК КПСС в декабре 1984 года.

А после того, как он стал генсеком, эта линия последовательно проводилась на практике. Достаточно напомнить о Всесоюзном совещании по ускорению научно-технического прогресса летом 1985 года, о разработке кардинальных мер по модернизации отечественного машиностроения и перераспределению финансовых ресурсов для этой цели, о проведении крупномасштабного экономического эксперимента в трех отраслях, о развитии индивидуально-трудовой деятельности, кооперации, о реальных

шагах в направлении полного хозрасчета, самофинансирования и самокупаемости предприятий и объединений и, наконец, о разработке и принятии летом 1987 года решения по кардинальной реформе экономики, предусматривающей, по сути дела, коммерциализацию хозяйства на основе полного хозрасчета, аренды и кооперации. Мы исходили из того, что все эти меры могут дать реальный эффект через два-три года, а пока не следует пренебрегать и традиционными административными рычагами, укреплением плано-финансовой и трудовой дисциплины, введением двух- и трехсменной работы предприятий, жестким контролем за качеством продукции. В этом же контексте рассматривалось и ужесточение борьбы с пьянством и алкоголизмом.

К сожалению, первоначальный замысел осуществить не удалось. Почему? Главная причина связана с настроениями партийно-хозяйственного аппарата, нарастающим сопротивлением с его стороны прогрессивным переменам в методах хозяйствования и управления, внедрению его новых форм, предусмотренных реформой 1987 года. Директора предприятий, естественно, приветствовали расширение своих прерогатив, тем более, что была введена система их выборности, но многие из них не были готовы к самостоятельному ведению дел, категорически выступили против свертывания государственного финансирования и планового материально-технического снабжения. Руководители министерств, Госплана и правительства, борясь за сохранение своих прав и полномочий, оказывали глухое, но упорное сопротивление отходу от жесткого директивного планирования, реформе ценообразования, введению оптовой торговли средствами производства вместо их централизованного распределения. Против кардинальной экономической реформы, означавшей разгосударствление, а значит и департизацию экономики, был и партийный аппарат на всех уровнях, формировавшийся в основном из хозяйственно-управленческой элиты.

В итоге экономическая реформа уперлась в необходимость перестройки политической системы и, прежде всего, самой партии, глубокой демократизации общества, гласности и свободы слова. В этом коренное отличие нашего опыта реформирования от китайского. Там оказалось возможным провести экономические преобразования при сохранении политической системы и даже идеологии хотя бы на словах. Видимо, сказались традиционные особенности китайского общества — боготворительное отношение к власти, самоограничение, послушность, терпимость и трудолюбие людей. Нельзя не учитывать и того, что страна незадолго до того вышла из потрясений культурной революции.

У нас же экономическая реформа могла состояться лишь как одна из составляющих всестороннего процесса реформирования общества. Дру-

гое дело, что руководство страны, втянувшись в перестройку политической системы, оказалось не в состоянии, начиная с 1988 года, заниматься экономическими реформами так же предметно, как политическими вопросами. Они были по существу переданы правительству, где были сильны консервативные настроения. Конечно, эти настроения постепенно перемалывались, но сопротивление оставалось очень сильным. Новый заход правительства Рыжкова-Абалкина на экономические реформы в 1989-90 гг. предусматривал продвижение вперед к рыночной экономике, но кое в чем даже отступал от позиции 1987 года. Упорное сопротивление в различных звеньях экономического управления оказывалось предложениям о республиканском хозрасчете, реформе цен и ценообразования, оптовой торговле средствами производства и т.д. Экономика все более превращалась в заложницу политики, продвижение по пути экономических реформ все более блокировалось политическими баталиями, нападками на перестройку со стороны как консервативной, так и радикал-либеральной оппозиции.

О роли партии в перестройке.

Этот кардинальный вопрос включает в себе немало парадоксов. Перестройка началась, когда Генеральным секретарем ЦК партии был избран Горбачев. Она и закончилась, когда в ее руководящем звене стали раздаваться требования об отставке Горбачева и фактически был поддержан антигорбачевский путч. Что касается первого, то иначе и быть не могло. Советское общество было так организовано, что кардинальные реформы в нем могли начаться только по инициативе партии. Возможные, в конце концов, спонтанные процессы вылились бы в массовые столкновения с непредсказуемыми результатами. Но, начав реформирование, сама партия не могла оставаться такой, какой была до этого, а должна была стать не только источником, но и примером реформирования. Это прекрасно понимали организаторы перестройки. Демократизация партии была основной идеей январского пленума ЦК 1987 года, который, собственно, и положил начало реальным перестроечным процессам в политической системе страны, открыл дорогу для XIX партконференции, а затем — и для XXVIII съезда КПСС. Был начат процесс деэлитизации партии, освобождения ее от роли ядра государства, функций прямого государственного управления всеми делами в стране и превращения в реальную политическую партию, овладения новым содержанием и новыми методами политической работы. Нет нужды напоминать, насколько сложным и болезненным был этот процесс, какие противоречия и взрывы недовольства он породил в партийном ап-

парате. Это совершенно очевидно проявилось и на пленумах ЦК 1989-1990 годов, на XXVIII съезде партии и особенно после него.

В связи с избранием Горбачева Президентом СССР возник вопрос о его уходе из партии. Консерваторы в партии хотели освободиться от Горбачева и его сторонников, превратить партию в оплот антиперестроечных сил и развернуть борьбу против перестройки под флагом защиты социализма. Радикальные демократы также выступали за то, чтобы президент перестал быть лидером партии, они хотели бы перетащить Горбачева на свою сторону, оторвать его от партии под предлогом углубления перестройки, мотивируя это превращением партии в антиперестроечную силу.

Был ли прав Горбачев, не уйдя из партии, а сохраняя как президент страны руководящую роль в ней? Можно ли согласиться с тем, что партия была в принципе нереформируемой организацией, способной быть лишь оплотом консервативных сил в обществе?

И тогда считал, и сейчас считаю, что президенту не следовало отходить от руководства партией, порывать с ней. В этом случае она была бы отдана в руки антиперестроечных сил. «Демократы» не могли в то время стать сколько-нибудь надежной опорой президентской власти. У них не было ни сколько-нибудь ясных политических ориентиров, ни общественных структур, в их стане царили неразбериха и разброд. Тон задавали амбициозные настроения и демагогия неудавшихся в прошлом политиков, за исключением, может быть, А.Д.Сахарова.

Что касается КПСС, то она сохраняла еще важные рычаги влияния на развитие страны, особенно на местах. Да, в ней происходила сложная борьба между консервативными и реформаторскими настроениями. Но зерна обновления были брошены и дали серьезные всходы в настроениях партийных масс и широкого круга активистов. Свидетельством этому может служить почти единодушное принятие на XXVIII съезде Программного заявления «К гуманному, демократическому социализму» — документу, который по своим духу и букве серьезно отличался от всего предыдущего и, по сути дела, был выдержан в социал-демократическом ключе. Показателем настроений в партии может служить избрание абсолютным большинством делегатов съезда Генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачева, и, напротив, полный провал Лигачева, олицетворявшего консервативные силы в КПСС и в ее руководстве, на выборах заместителя генерального секретаря.

Почему же через год после XXVIII съезда, высказавшегося в целом за продолжение перестроечной линии, партия не смогла занять правильные позиции — не допустить путча и выступить против него, если в ней преобладали реформаторские настроения?

Мне кажется, что все дело в том, что партия не нашла своего места в новой общественной системе после того, как государственные функции были переданы из ее рук тем, кому они должны принадлежать — представительным и исполнительным органам государственной власти. По инерции еще партийные органы цеплялись за старые функции. Но центр тяжести перемещался из партии в Президентский совет, президентский аппарат, Верховный Совет и его органы. Мощный партийный аппарат в центре и на местах не находил своей ниши в общественно-политической деятельности, не смог освободиться от командных приемов в отношении государственных органов и общественных организаций, средств массовой информации.

Возвращаясь мысленно к тем временам, не могу не сказать, что заметной ошибкой было фактическое прекращение с осени 1988 года деятельности Секретариата ЦК, который мог бы сыграть положительную роль в проведении перестроечной политики и кадровой работы в партии. Связь с местными парторганами оказалась в руках Отдела оргпарторганизации, известного своей приверженностью к консервативным позициям.

Особенно ущербной стала роль Центрального Комитета, его Политбюро, партийных органов на местах после XXVIII съезда партии. В соответствии с новой ролью и функциями партии в Политбюро не вошел ни один государственный руководитель, кроме президента. От традиционного Политбюро осталось по существу одно название. Но амбиции у его членов остались прежние. Заседания Политбюро далеко не всегда вел Горбачев. Часто это поручалось заместителю Генерального секретаря, не обладавшему в партии и в стране серьезным авторитетом. Это не могло не питать у членов Политбюро ревность и оппозиционные настроения по отношению к президентской команде.

Нельзя не признать, что и до XXVIII съезда и особенно после него работа по консолидации реформаторских сил в партии, вокруг ее новых задач велась недостаточно активно. Генсек, став президентом, не мог уделить партии прежнего внимания, и мы недостаточно ему помогали. Не велось наступательной, целеустремленной в этом смысле идеологической и организаторской работы. К руководству партии на ее XXVIII съезде были выдвинуты некоторые здравомыслящие, демократически настроенные люди (в их числе Е.С.Строев, А.С.Дзасохов, В.А.Купцов, А.Н.Гиренко), но были и серьезные кадровые ошибки (Г.И.Янаев, О.С.Шенин, В.А.Ивашко, В.М.Фалин). Кадровая работа на местах также не имела демократической направленности. В результате всего этого реформаторские позиции в партии не укреплялись, а скорее, наоборот, ослаблялись.

Весной 1991 года развернулась работа над новой Программой партии и подготовкой осенью того же года нового съезда КПСС, на котором должно

было произойти размежевание ее на реформаторскую и традиционалистскую партии. Но этого не произошло из-за путча, фактически поддержанного руководством партии, краха путчистов и роспуска КПСС.

В итоге Россия оказалась единственной из постсоциалистических стран Европы без массовой партии социал-демократического типа, выросшей на основе бывших правящих коммунистических партий. В ряде стран такие партии либо оставались у политической власти, либо приходили к ней в последующие годы.

О судьбе Союза

В сознании довольно широких слоев населения, в публицистических выступлениях, а зачастую и в научных работах утвердилось представление о том, что распад Союза есть прямой результат перестройки, а Горбачев — чуть ли не главный его виновник.

На самом же деле распад союза — результат не перестройки, а ее поражения. Сама же перестройка была направлена на сохранение Союза путем его реформирования. С течением времени становится все более очевидно, что сохранение Союза в его прежнем виде в условиях демократизации и реформирования страны было невозможно.

Да, Союз советских республик опирался на исторически сложившиеся связи между народами бывшей Российской империи. В его основе лежали экономические факторы, формировавшийся единый народнохозяйственный комплекс. Ядром Союза была Россия, к которой тяготели не только славянские республики, но и Казахстан, Закавказье, Средняя Азия и в определенной мере Прибалтика. Входящие в Союз республики, некоторые из них впервые в истории, обрели территориальные административные границы, получили многие атрибуты государственности. Но при всем этом федеративные основы Союза лишь декларировались, на самом же деле это было строго централизованное, по сути дела унитарное государство. Его единство покоилось на жестких конструкциях политической системы, прежде всего партии, а также силовых структурах. Суверенитет союзных республик, провозглашенный в Конституции, фактически не имел реального наполнения, несмотря на все внешние атрибуты.

Нельзя не признать, что понимание необходимости перестройки в межнациональных отношениях Союза пришло не сразу. Национальный вопрос в Советском Союзе считался, в основном, решенным, а узы дружбы народов нерушимыми, но в действительности многие проблемы были приглушены, загнаны вглубь. По мере демократизации и расширения гласности они начали выходить наружу то там, то здесь (крымские татары, собы-

тия в Алма-Ате). А затем спираль выступлений начала раскручиваться все сильнее — Карабах, Абхазия и связанные с ней события в Тбилиси, Прибалтика, Средняя Азия, Молдавия и, наконец, что уже совсем оказалось неожиданным, сама Россия.

Пленум ЦК по международным отношениям был проведен с явным запозданием и не смог существенно повлиять на развитие ситуации. Мы недооценили возможности спекуляции консервативных и радикальных сил на проблеме России. В результате российские проблемы были «оседланы» в партии консервативными силами, которые создали в лице Центрального Комитета Компартии России оппозиционный центр сопротивления перестройке. А по государственной линии в России одержал верх Ельцин и его сторонники. Быстро нарастал радикализм национальных движений в Прибалтике и других республиках. От скромного лозунга республиканского хозрасчета они перешли к требованию пересмотра Союзного договора, идеи тоже достаточно конструктивной, а затем развернулась борьба за полный национально-государственный суверенитет и выход из СССР. Весьма характерно, что сепаратисты в национальных республиках рьяно выступали за суверенитет России, а ельцинские суверенизаторы России оказывали им всяческую поддержку. Сложилось нечто вроде единого фронта между ними.

Работа над новым Союзным договором, казалось, вводила в конституционное русло сложные и болезненные процессы в международных отношениях. Но она чем дальше, тем больше затруднялась, а затем и саботировалась ельцинским руководством России, инициировавшим «парад суверенитетов» для борьбы против союзного центра и разрушения Союза. Против реформирования Союза был направлен и августовский путч, поражение которого было использовано Ельциным для подрыва Центра, лишения его реальных полномочий. В последний момент сильнейший удар по усилиям, направленным на сохранение реформированного Союза, нанес украинский референдум о независимости республики.

Таким образом, против Союза объединились все антиперестроечные силы, и они добились своего, несмотря на то, что Горбачев и его сторонники до конца боролись за его реформирование и сохранение.

Возникает вопрос — был ли какой-либо шанс сохранить Союз? Ведь в XX веке распались и прекратили свое существования практически все многонациональные империи и государства. Думается, что такой шанс, хотя бы один из десяти, был. Ведь народы Советского Союза, в отличие от других сошедших с исторической арены империй, и, прежде всего, его славянский костяк многие века и десятилетия жили совместно в едином геополитическом (евразийском) экономическом и социально-культурном

пространстве. Этот шанс был заключен в демократической национально-государственной перестройке Союза на принципах подлинного равноправия наций, их самоопределения в рамках реальной федерации. Поражение перестройки перечеркнуло этот шанс.

Возврата к прежнему Союзу, пусть даже в ином, неполном составе, быть не может ни в ближайшем будущем, ни в отдаленной перспективе. Речь может и должна идти о развитии разностороннего сотрудничества между постсоветскими государствами, опирающегося на унаследованные от прошлого плодотворные связи, традиции и общие интересы.

О наследии перестройки и ельцинизме

Довольно широко распространено мнение, что после распада Союза в рамках России были, по сути дела, продолжены преобразования, начатые во время горбачевской перестройки, им лишь придан более радикальный характер. Более того, некоторые не в меру ретивые сторонники Ельцина стали изображать дело так, что будто бы лишь с разрушения Союза и устранения Горбачева и начались демократические преобразования. Например, гласность и свобода слова связываются с Законом о печати, принятом при Ельцине. Хотя хорошо известно, что первый демократический закон о СМИ был принят в 1990 году, а цензура практически была упразднена за два года до этого. Свободные выборы народных депутатов прошли впервые в 1989 году. Шлагбаум для многопартийности открыт изменением статьи 6 Конституции в 1990 году и т.д.

Конечно, придя к власти в России, Ельцин не мог не считаться с демократическими заделами перестройки. Но ничего существенно нового в демократические процессы его администрация не внесла. Более того, есть все основания говорить об авторитарном откате от демократических принципов, который произошел в связи с принятием новой Конституции страны, наделившей президента чуть ли не диктаторскими полномочиями. А этому предшествовал роспуск Верховного Совета и расстрел Российского парламента!

Никак не вяжутся с утверждениями об углублении демократии общеизвестные и никем не опровергнутые факты о тесных связях Ельцина и его окружения с крупнейшими олигархами, их решающем влиянии на государственные решения.

Самым «сильным аргументом» в пользу углубления демократии в ельцинской России подается — единовременное введение свободного ценообразования и массовая приватизация государственной собственности. Но эту шоковую терапию даже нет оснований называть реформами. Это, по

существо, разрушение существовавшей экономики и открытие простора для экономического хаоса в надежде на «невидимую руку рынка». Этот процесс неизбежно приобрел антидемократический и антисоциальный характер, пошел на пользу спекулянтам и теневым дельцам, коррумпированным чиновникам разного ранга и нанес огромный ущерб населению — падение вдвое реальной заработной платы, обесценение сбережений, рост безработицы и т. д. И главное, он не только не привел к оживлению экономики, а, напротив, вверг ее в беспрецедентно глубокий и продолжительный кризис, закончившийся дефолтом августа 1998 года.

Политика администрации Ельцина потерпела полное банкротство, но не потому, что она следовала перестройке, а скорее наоборот — потому, что ничего общего не имела с ней ни по целям, ни по методам их достижения.

Высшим смыслом ее было скорейшее разрушение социализма, с которым отождествлялось советское прошлое, и возврат к капитализму, где всем управляет «невидимая рука рынка». И все это — революционным путем — через тотальную приватизацию собственности, полный уход государства из экономики и минимизацию его социальных функций.

Каков же результат? Мы действительно ушли от советской системы, но вместе с пороками и слабостями, характерными для государственного авторитарного социализма, утратили и его социальные, научно-технические и культурные достижения. А пришли к системе допотопного, дикого капитализма с разгулом алчности, коррупции, преступности, с невиданными имущественными и социальными контрастами, весьма далекой от современного общества с социально ориентированной и регулируемой рыночной экономикой.

Перестройка же предполагала постепенную трансформацию советского общества, избавление его от тоталитарного прошлого и выведение на траекторию современного развития с опорой на собственные достижения и традиции и использованием опыта развитых стран для обеспечения достойных условий жизни и деятельности человека. До определенного времени аргументация в пользу реформирования общества, его перестройки была облечена по сложившейся традиции в форму противопоставления социализма капитализму. В обществе, да и у политических руководителей сохранялась вера в принципы социалистической справедливости⁴. Но могу со всей ответственностью сказать, что она исходила не из абстрактных догм, а из понимания реальных проблем, которые должно было решить наше общество: демократизации и гласности всех сфер общественной жизни, обеспечения прав и свобод человека, создания сильных стимулов трудовой и деловой активности людей, международной безопасности.

Нынешняя российская администрация заметно скорректировала политику предшествующей. Она стала в большей степени отвечать интересам страны, учитывать уроки прошлого, в том числе перестройки, постперестроечного периода и завоевала поддержку в обществе. Однако и сегодня возникает немало вопросов, касающихся социально-экономической политики и развития демократических процессов, но это — тема для другого разговора.

¹ Медведев В.В. в команде Горбачева: взгляд изнутри, М.: Изд-во «Былина», 1994; Медведев В.А. Распад, как он назревал в мировой системе социализма, М.: Изд-во «Международные отношения», 1994; Медведев В.А. Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки. М.: изд-во «Воскресенье», 1998; Медведев В.А. Постперестроечная Россия. Проблемы и перспективы, часть I и часть II. М.: Институт экономики РАН, 1999; Медведев В.А. Перед вызовами постиндустриализма: взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России. М.: Изд-во Альпина Паблишер, 2003.

² В нынешней России она дает, по различным оценкам, от половины до трех четвертей бюджетных доходов.

³ Пожалуй, единственным примером проявления жесткой ответственности может служить снятие маршала Соколова с поста министра обороны в связи с приземлением Руста на Красной площади.

⁴ Нелишне напомнить в этой связи, что под флагом социализма и его обновления выступили авторы нашумевшей книги «Иного не дано. Перестройка: гласность, демократизация, социализм» (Изд-во «Прогресс», 1988 г.), в числе которых были ведущие деятели демократической оппозиции.